

3. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности / В. А. Петровский. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. – 512 с.
4. Теория и практика глубинной психокоррекции: Шестая Авторская школа академика НАПН Украины Т. С. Яценко / Сост. В. П. Андрущенко, А. В. Глузман – К. : Изд-во НПУ имени М. П. Драгоманова, 2012 – 226 с.
5. Фрейд З. Толкование сновидений / З. Фрейд – Мн. : Попурри, 1997. – 576 с.
6. Фромм Э. Забытый язык. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М. : АСТ, 2009. – 444 с.
7. Юнг К.Г. Человек и его символы / К. Г. Юнг – СПб. : Б.С.К. , 1996. – 454 с.
8. Яценко Т. С. Глибинна психологія : діагностика та корекція тенденції до психологічної смерті. Навч. посіб. / Т. С. Яценко, О. В. Глузман, І. В. Калашник. – Ялта : РВВ КГУ, 2008. – 204 с.
9. Яценко Т.С. Малюнок у психокорекційній роботі психолога-практика / Т. С. Яценко, М. Г. Чобітько, Т. І. Доцевич. – Черкаси : Брама, – 2003. – 216 с.

Резюме. Стаття содержит анализ роли архетипа в познании бессознательного содержания психики субъекта, объективирование проблемы самодепривации психики и дезадаптации личности. В данном исследовании выявлено, что символы агрессии, ненависти, одиночества, страха в виде архетипов живой и неживой природы, катаклизмов, разрушений рельефно иллюстрируют факты самодепривации и дезадаптации личности.

Ключевые слова: психическая депривация, отчуждение, влечение к смерти, влечение к жизни, деперсонализация, психологическая самодепривация.

Резюме. Стаття містить аналіз ролі архетипу в пізнанні несвідомого змісту психики суб'єкта, об'єктивування проблеми самодепривації психики та дезадаптації особистості. У даному дослідженні виявлено, що символи агресії, ненависті, самотності, страху у вигляді архетипів живої та неживої природи, катаклізмів, руйнувань рельєфно ілюструють факти самодепривації й дезадаптації особистості.

Ключові слова: психічна депривація, відчуження, потяг до смерті, потяг до життя, деперсоналізація, психологічна самодепривація.

© 2013

А. В. Маричева (г. Симферополь)

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ СТРУКТУРНО-АНАЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПСИХИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ СУБЪЕКТА

Социальный и культурный конструктивизм, идея ризоматичности структуры бессознательного, специфический характер постмодернистского дискурса сместили акцент психоаналитического внимания на образ как презентант бессознательного, а также на роль фонетических ассоциаций в ассоциативном процессе психоаналитической практики. Фонетические (а не семантические), ассоциации, воспринимаемые психологами времен З. Фрейда и К. Г. Юнга как поверхностны, в постмодернистских теориях бессознательного, опирающихся на структурно-аналитическую модель психической реальности субъекта, предложенную Ж. Лаканом, лингвистический аппарат стал фундаментом исследования, поскольку открыл доступ к непознанным ранее бессознательной психике.

На первый взгляд, единение аналитической психологии, архетипической модели познания психической реальности субъекта и структурно-аналитической модели, или «лакановского психоанализа», представляется некоторой психоаналитической химерой. Однако, как мы знаем, наиболее эвристичные идеи всегда зарождаются в соприкосновении сфер научного познания, кажущихся на первый взгляд методологически несовместимыми.

Как мы можем заметить, родство между парадигмами, лежащими в основе структурализма и аналитической психологии, основывается на гипотезе о том, что основная функция бессознательного состоит в придании формы (будь то социальные инфраструктуры, символические функции или архетипы) реальному содержанию – что находит подтверждение в мифах, сновидениях и симптомах, способах функционирования языка.

Основная идея, зародившаяся в результате встречи архетипической парадигмы и структурного психоанализа, четче всего была очерчена в работах доктора психологии в области прикладного психоанализа, члена Международной ассоциации аналитической психологии П. Кюглера. Она звучит так: «Содержит ли наш язык автономные группы ассоциаций, соединенные фонетически и укорененные в архетипическом образе?» [2, с.10].

Будучи хорошо знакомым с основными концепциями структурализма и аналитической психологии, он акцентирует внимание на том факте, что ранние эксперименты К. Г. Юнга и Ф. Риклина со словесными ассоциациями выявили наличие бессознательных комплексов, детерминирующих формирование сновидений, симптомов и автономных групп лингвистических ассоциаций. Тем самым показал, что чем более бессознательной становится личность, тем более выражен сдвиг ассоциирования субъекта от семантического к фонематическому и особенно, к фонематически-рифмованному.

В многократно переиздаваемой и остающийся актуальной работе «Алхимия дискурса: образ, звук, психическое», в главе «Фонетическое воображение», основанной на переосмыслении работ К. Г. Юнга, З.Фрейда, Ж. Лакана и Т. Тасс-Тинеманна, он подает показательный анализ архетипического образа Диониса, доказывая, что мифические образы и их имманентные характеристики существуют в языке, в группах и кластерах фонетически близких слов, доступ к которым открывается при помощи этимологического анализа.

В свою очередь, Ж. Лакан, разрабатывая концепт субъекта бессознательного, и доказывая, что бессознательное, структурировано как язык, (то есть как знаковая система, соотносящая понятийное содержание и типичное звучание, обладающая омадательной функцией конструирования и контроля создаваемой реальности), вводит принцип диктата означающего над означаемым. Эта позиция коренным образом меняет представление о субстанциональности бессознательного. Это означает, что бессознательное не существует до момента его артикуляции, его символизации при помощи средств и правил, принадлежащих регистру Символического. Модель психопатологии также детерминирована представленностью Символического в формировании психической реальности субъекта, где невроз предполагает доминирование символического Другого и невозможность идентифицироваться с ним, психоз – отбрасывание Другого, исключение его из сферы психического, а перверсия зиждется на превращении Другого бессознательного наслаждения, в объект пользования и эксплуатации.

Таким образом, что бы не было подавлено и вытеснено в процессе созидания индивидуальной истории субъекта, где бы не пролягли узловые точки фиксации и торможений в процессе психосексуального созревания субъекта, какой-бы реальный опыт не наполнял резервуар его психического пространства, которое психоаналитики называют бессознательным, – эксплицировать содержания бессознательного мы можем только посредством данной нам языковой симтемы и только в рамках ее собственной структуры.

Стоит ли удивляться тому факту, что чем тяжелее симптомы, исследуемые психоаналетическом, чем более глубинны мотивы активности субъекта, выявляемые в психотерапевтическом процессе, чем более «индивидуальным» и эксклюзивным предстает процесс формирования исследуемой личности – тем более яркими становятся формы активности, которые называются архаичными, с присущими им магическим мышлением, ритуальностью поведения, недифференцированностью эмоциональной сферы, «тотемизацией» эпизодов психотического поведения, и в конце концов – специфической одержимостью словом как особым фонетическим комплексом, вокруг которого концентрируется психическая реальность субъекта.

Известный анализ З. Фрейда пациента с неврозом навязчивости, получивший в истории психоанализа название «Человек-крыса», демонстрирует диктат означаемого Ratten (крыса), ставящий во главу угла психической реальности субъекта те факты его жизни, артикуляция которых фонетически имеет схожий звуковой комплекс. Например, оплата карточных долгов отца (Raten), определяемого как заядлого (навязчивого) картежника (Spieler Ratte), беспокоится о долгах другого рода, сделанных его сестрой Питой (Rita), одержим и в состоянии принять решение, стоит ли ему жениться (Heiraten) в здании ратуши (Rathaus).

Подобного рода диктат звукового паттерна мы можем обнаружить при этимологическом анализе слов, характеризующих имманентные свойства или характеристики конкретного архетипического образа.

Так, мы попытались проанализировать взаимосвязи между имманентными атрибутами архетипического образа и фонетическим паттерном, обнаруживаемым в качестве каркаса такого образа.

Рассмотрим архетип Трикстера, который нарушает установления богов, законы природы, законы, структуру и порядок в принципе, чаще всего злонамеренно, но при этом, как правило, добиваясь случайно-бессознательным образом определенного положительного результата. От имени Трикстера И. В. Гёте словами Мефистофеля: «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо».

В приведенной ниже таблице представлены мифологические образы архетипа Трикстера в различных культурах и их определяющие характеристики.

Таблица 1

	Культура	Образ	Характеристики
Гер ом	Общий для многих народов	Койот	Рыжий/красный жадный и беспринципный эротоман, соблазнитель, прогоняющий ночные тени, несущий свет
	Общий для многих народов	Ворон	Ворон похитил небесные тела у жадного бога, научил людей растить детей,

			разжигать огонь и ухаживать за животными
	Мифология Пуэбло	Кошары Пайякяму (Священные клоуны)	Сумасшедшие, делают вещи противоположные тому, что озвучивают
Общий для многих народов Западной Африки		паук Ананси	Паутина, сеть, коварство, манипуляции, дурак попавший в свою же сеть
Древнеегипетская мифология		Сет	Дух песчаной (огненной) бури, злой, дикий, необузданный, красный, ассоциируемый с Меркурием
Германо-скандинавская мифология		Локи	Огонь, обманщик, соблазнитель, коварный, прикованный к скале, травимый ядом
Древнегреческая мифология		Прометей, Гефест, Гермес	Прометей – огонь, скала, печень; Гефест – огонь, кузнец (ковать), соблазн (наказание геры); Гермес (Меркурий)-шутник, интриган, похититель быков у Зевса-громовержца
Славянская мифология		Велес	«Скотий бог», покровитель сказителей и поэзии, был противником Перуна-громовержца, похищающим его стада
Кельтская мифология		Фэйри	Огонек, уводящий путников с прямого пути, шутник, мелкий пакостник, дух воздуха, ветра
Китайская мифология		Хануман, Сунь У-кун (Король Обезьян)	Каменная обезьяна, ученик Солнца
Японская мифология		Кицунэ (лиса)	Огненная лисица, выдыхает (дует) огонь, способна создавать иллюзии не отличимые от реальности

Можно выделить следующие имманентные характеристики архетипического образа Трикстера: соблазнитель, обманщик, создатель иллюзий, огненный, красный, похититель (вор), несущий культуру или сакральное знание, сумасшедший, дурак, клоун-шут, коварный, бурный, злой, дикий, необузданный, наказанный приковыванием к камню, травимый ядом или временным отсутствием печени.

Приведем этимологический анализ некоторых из них [1, 3, 4]: **соблазн** – ст.-слав. съблзнь из формы *blaznъ*, от которой в числе прочего произошли: *блазнь* «ошибка», *блазень* «простофиля, проказник, шутник», укр. *блазень* «дурак», польск. *blażen* «шут, дурак», чешск. *blázn, blázen* «дурак». ср.: русск., укр. шутка, болг. *вшутявам се* «глупо веду себя, по-детски», словенск. *šūtnik* «несуразный человек». Предполагают родство с лит. *siaūsti, siaučiu, siaučiaū* «бушевать», *siaūstis* «веселиться», латышск. *šāulis* «дурак» и с шустрый. Сюда же русск. *блазнить*, ст.-слав. *блазнити* «искушать, сердить», болг. *блазня* «искушаю, соблазняю», сербохорв. *блазнити* «лестить, ласкать, гладить», словенск. *blázniti* «приводить в смущение, беспорядок», чешск. *blázniti* «дурачить», польск. *blaźnić* «дурачить, сбивать с толку».

Сравнивают с др.-в.-нем. *blāsan* «дуть», готск. *ufblēsan* *φυσιοῦν*, др.-в.-нем. *blāsa* «пузырь», лат. *flāre* «дуть», греч. *φλήναφος* «болтовня». Если ст.-слав. *блазнь* «ошибка, заблуждение» значило первонач. «блуждающий огонек», то его можно сравнить с латышск. *blāzt* «мерцать», *blāzma* «мерцание, блеск, отражение», которые родственны лат. *flagrāre, flamma*.

Коварство – произошло от глагола «ковать». У древних славян кузнечное дело окутывалось тайной, связывалось с неведомым с огнем. Первоначально «коварство» означало мудрость, умение. Кузнец (варианты: «коварь», сербо-лужицкий «ковач» и украинский «коваль») куёт оковы, вязи, пута. Строить ковы означало и строить козни, крамолы. Вязать пута — опутывать. Ср. др.-рус. *ковати ковы* «замышлять зло, строить козни».

Отрава – происходит от праслав. формы, от которой, в числе прочего, произошли: ст.-слав. *травити* (др.-греч. *στέϊσθαι*), укр. *травити, травлю* «переваривать, потреблять, травить», чешск. *trávití* «переваривать, потреблять, отравлять», словацк. *trávit'*, польск. *trawić, trawię* «проводить (время)», «истреблять, переваривать»; др. ступень чередования представлена в сербск.-церк.-слав. *трыти, трыи* (триβειν), болг. *трия* «тру, вытираю»,

церк.-слав. растрѣва ѿтѣлаѣа, трѣ□, троути «истреблять». Родственно греч. τρώω «раню», τίτρώσκω — то же, τρώω «истребляю, исчерпываю», др.-в.-нем. drawa, drōa «угроза», англос. drēa «угроза, кара».

Мы не приводим полный этимологический анализ всех эксплицированных характеристик Трикстера, однако даже вышеприведенные три свидетельствуют о проявлении некоей семантической области, семантического пространства, в котором посредством, семантических сдвигов, на основе всего трех фонетических паттернов очерчивается комплекс характеристик, связь которых с точки зрения логики и смысла выглядит совершенно случайной. Например, между искушением, лестью, сумасшедшим бушующим дураком (как Сэт и Локи) и блуждающим огоньком (как Фейри и Локи), огоньком, дуновением, пузырьком и иллюзиями (как Кицунэ), или между огнем и путами, оковами (паутиной как Ананси), или же между ядом, раной, угрозой, карой и процессом пищеварения (как Локи и Прометей).

Т. Тасс-Тинеманн считает, что язык формируется и изменяется с течением времени на основе вытесненной тревоги, сопровождающей «ключевые» экзистенциальные точки человеческой жизни – рождение, сексуальную связь и смерть. Постепенное изменение смысла фонетического образа обусловлено семантическим сдвигом, который основан на том, что тревожащее значение, зафиксированное определенным «звуковым» рисунком, подавляется и заменяется новым, менее тревожным. «Процесс подавления изначального эмоционального заряженного семантического аспекта какого-то слова и замена его более нейтральным по смыслу отвечает за диахронические семантические сдвиги в фонематическом рисунке, как это показывает этимология, и за синхронное присоединение различных смыслов к одному фонетическому рисунку» [2, с.97].

Т. Тасс-Тинеманн считает что этот процесс эквивалентным «работе сновидения», описанной З. Фрейдом и заключающейся в переводе травмирующего содержания в приемлемую для восприятия субъекта форму.

Таким образом, необходимо исследовать возможности практического применения эксплицированных нами архетипических импликаций в целях повышения эффективности психотерапевтической практики.

Приведем краткий практический пример. За помощью обратилась эксцентрическая особа 50-ти лет, питающая слабость к головным уборам. Свой запрос она оформила так «у меня предохранитель сломался», вследствие чего она опасалась, что рано или поздно ее могут стационарировать в психиатрическое лечебное заведение. О причинах «поломки предохранителя» и его природе говорила путанно и с явным желанием избегать конкретики. О себе говорила охотно, называла себя «мушкетером».

Предохранитель – техн.зн. -защищает электрическую цепь и её элементы от перегрева и возгорания при протекании высокой силы тока.; – военн.зн. – деталь оружия, блокирующая его механизм с целью предотвращения случайного выстрела. Мушкетер – гвардеец, вооруженный мушкетом. В контексте постсоветской лингвокультурной общности – это герой фильма о четверке храбрых военных, защищающих слабого, безвольного и обесцененного короля от любовных интриг королевы и властных интриг кардинала, приспешниками которого являются вышеупомянутые гвардейцы.

Клиентка, ассоциирующая свои шляпки со шляпой мушкетера, является жительницей пгт.Гвардейское и участвует в сельских интригах любовного (много женщин-мало мужчин) и властного (статус второго супруга в свое время обеспечил ей статус в женском коллективе, который с выходом его на пенсию был утрачен) характера. Называя себя «городской дурочкой». Данный статус, по ее словам она получила в следствии того, что отец умер и патриархальный уклад семьи сменился на жесткий матриархат с применением физической силы через родительской семьи она сбегает замуж. Первый статусный супруг погиб, от него осталась старшая дочь – детский психолог, живущая в г.Севастополе. Второй муж – младше, не такой статусный, неспособный защитить клиентку от нападков свекрови, требующей аборта. При рождении второй дочери женщину стационарируют в первый раз с послеродовой депрессией. Второй раз ее стационарируют уже в России, куда ее хитростью заманила мамина подруга. В результате скандала с матерью вызывается скорая психиатрическая помощь, женщине оказывают лечение с применением ЭСТ. По словам клиентки, при выписке доктор извинился за применение этой процедуры, так как не понял, что у нее послеродовая депрессия, чем окончательно убеждает клиентку в непоправимости нанесенного ей ущерба посредством электрического тока. Муж дает письменное согласие на эту процедуру, испугавшись больших затрат на лечение препаратами, и длительность этого процесса. В третий раз женщину стационарируют по месту жительства после того, как мать теряет собственное жилье, переезжает жить к клиентке, уходит в запои и в конце-концов, попадая в больницу, требует ухода. Основные жалобы клиентки: на пассивность супруга и пренебрежительное отношение к ней младшей дочери, «играющей» на стороне «гвардейцев» и неприкрыто ее стыдящейся; тоска по «хорошей» старшей дочери-психологии тому времени, когда высокий статус первого мужа защищали клиентку от жизненных невзгод. В семье любят вышеупомянутый фильм, муж в шутку называет себя Д`Артаньяном, и принимая в расчет судьбу героине фильма Констанции Буанасье, можно признать его личным мифом клиентки. Последний раз стационарировали женщину в психиатрическую больницу в с.Строгановка, забрав ее с ул.Севастопольской.

В данном случае можно увидеть две архетипические аналогии «в негативе». Первая – миф об Электре, чуждой памяти отца и патриархальный уклад жизни, переносящей многие злоключения и подготавливая

возвращение младшего брата, которого спровоцирует на отмщение за отца, восстановив тем самым его в правах, пусть даже посмертно. Вторая – архетипический образ Афины, которая, в отличие от других женских божеств, имеет мужские атрибуты – оружие и доспехи, являясь дочерью отца (без матери). Интересна параллель, связанная с ребенком Афины: несмотря на то, что она читится как девственная богиня, встречаются мифологические упоминания о рождении ребенка, Афины от Гефеста. В них Афина тайно воспитывала Эрихтония и отдала в ларце (либо в корзинке) на сохранение Пандросе, запретив открывать. Запрет, естественно, был нарушен – и Афина ввергла неудавшуюся хранительницу в безумие (в жизни клиентки был факт, когда свекровь активно отговаривала ее рожать второго ребенка в голодное «перестроечное» время). В христианской же мифологии существует несколько сюжетов со спасением младенцев от смерти в корзинах, которые либо кому-нибудь подбрасывают, либо предают течению реки. Выше обозначенные параллели находятся «в негативе», так как перед нами неудавшаяся, неэффективная Электра или Афина – не имеющая возможности восстановить статус Мужчины-отца и Мужчины-супруга/младшего брата.

Этимологический анализ фонетических паттернов «электра» и «афина» [1,3,4] позволил найти следующие параллели с событиями индивидуальной истории клиентки.

Электра – происходит от др.-греч. *ελεκτρον* «электр, блестящий металл; янтарь». Металл – происходит от лат. *metallum* из др.-греч. *μέταλλον* «копь, жила, шахта, рудник». **Металлическая жила – металлическая проволока, используемая в качестве проводника электрического тока.**

Жила – разг., неодобр. скряга, жадина, прижимистый человек, жадина, жмот, скряга, сквальга, скопидом, **скупец**, скупердяй. Скупец – происходит от праслав. формы *skid* –, от которой в числе прочего произошли: др. – русск. *скупь* «скудный», *скудость*, ст.-слав. *скидь* (*νδεις*; Супр.), *оскидити* «сократить» (Супр.), русск. *скупость* ж., укр. *скупний*, белор. *о-скупны*, болг. *оскъден* «скудный», **убогий**, сербохорв. *оскудан* – то же, *скупити* «**очернить, оклеветать**», др.-польск. *oskundzić* «**хулить**», *poskundzia* «поносила». Сюда же *поскуда*, *поскудный*. Праслав. связано чередованием гласных со *skęd-* (см. *щадить*). Родственно авест. *sčandayeinti* «они **разбивают, разрушают**», *skonda-* м. «ломание», «недуг, **увечье**».

Афина – ата-на – владычица, госпожа; власть, господин. Ата (во многих языках – отец, предок).

Власть происходит от праслав. формы, от которой в числе прочего произошли: др.-русс. *волость* «область, **территория**, государство, власть», русск. *власть* (заимств. из церк. – слав. вместо *волость*), укр. *во́лость*, белор. *воло́сьць*, болг. *власт* «власть», сербохорв. «**владение, собственность**», чешск. *vlast* «**родина**».

Господин – лат. *hospes* (род. п. *hospitis*) «хозяин; предоставляющий гостеприимство» из *hostipotis*, где вторая часть слова представляет собой и.-е. *potis*; ср.: лат. *potis* «**могущественный**», греч. *πόσις* «**супруг**», *viēšpats* «**господь**». Еще, *хоспис* – это медицинское учреждение, в котором больные с прогнозируемым неблагоприятным исходом заболевания получают достойный уход, что выгоднее экономически, чем лечение терминальных пациентов в условиях отделения интенсивной терапии. Основная цель пребывания в хосписе – скрасить последние дни жизни, облегчить страдания – т.е. *щадить*. Также этим термином с VI века н. э. обозначали места отдыха пилигримов.

Возвращаясь к структурно-аналитической парадигме, к анализу дискурса, можно предположить, что фонетический паттерн, обусловивший кристаллизацию архетипических образов вокруг идеи провала патриархата, заключается в конструкции «мушкет» – в части «муж(ш)» и в части «шкет» – то есть пацан, ребенок, причем скупой (*скупь*), не щадящий (*skęd*), позволивший нанести ущерб, «**ПОШКОЖДЕНИЯ**». Мы акцентируем внимание на важности той структурной ситуации, которую Ж. Лакан назвал «форкклюзией имени Отца» как основной причины разворачивания психоза.

Выводы. Таким образом, можно заключить, что определенная степень патологии позволяет проявиться связи семантических полей, центрированных вокруг архетипического образа и структурирующих артикуляцию внутреннего опыта субъекта. Структурно-аналитический подход к анализу дискурса, в котором проявляется субъект бессознательного, выявляет «событийные узловые точки», в которых происходит соприкосновение реальных фактов жизни и их артикуляция посредством означающих, принадлежащих вышеобозначенным семантическим полям. И если дискурс – это «речь, погруженная в жизнь», то выявление архетипических импликаций структурно-аналитической модели психической реальности субъекта дает нам возможность наблюдать «жизнь, погруженную в речь».

Литература:

1. Белкин М. В. Этимологический словарь русского языка в табличной форме / М. В. Белкин, И. А. Румянцев. – М. : Флинта, 2011. – 784 с.
2. Кюглер П. Алхимия дискурса. Образ, звук и психическое / П. Кюглер. – ПЕР СЭ, 2005. – 223 с.
3. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка / П. Я. Черных. В 2 т. – 3-е изд. – М. : Рус. яз., 1999. – 560 с.
4. Шанский Н. М. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. – 7-е изд., стереотип. – М. : Дрофа, 2004. – 398 с.

Резюме. Стаття посвячена розвитку ідей структуралізму в психологічній теорії і практиці і їх адаптації к сучасній українській психологічній науковій традиції.

Ключевые слова: структуралізм, психоаналіз, лінгвістика, бессознательное, архетип.

Анотація: Стаття присвячена розвитку ідей структуралізму в психологічній теорії і практиці та їх адаптації до сучасної української психологічної наукової традиції.

Ключові слова: структуралізм, психоаналіз, лінгвістика, несвідоме, архетип.

© 2013

О. Г. Паркулаб (м. Івано-Франківськ)

ПІЗНАННЯ МОВИ АРХЕТИПІВ ЯК ОСНОВА СПІВТВОРЧОСТІ ЛЮДИНИ Й НАВКОЛИШНЬОГО СВІТУ

Постановка проблеми. Творчість талановитих особистостей завжди була спрямована на те, щоб народжувалися нові модні стилі, тенденції, течії в мистецтві, науці й політиці. Таким чином митці намагалися розірвати ланцюги традицій, віднайти найоригінальніший ракурс дійсності. Якщо сучасники захоплювалися неповторністю й самобутністю плодів їхньої праці, то з часом, на зміну людській екзальтованості, прийшов здоровий глузд та із критичне мислення, і з'ясовувалося, що були винайдені лише нові декорації. Науковці вважають, що такий стан речей зумовлений дією архетипів, пізнання мови яких необхідне індивіду для кращого сприйняття світу й розуміння свого існування в ньому.

Психологи переконані, що знаючи закони дії архетипу, його логіку, людина може навчитися уникати конфліктних ситуацій, які емоційно виснажують, зумовлюють перевитрату психічної енергії. Архетипи, будучи усвідомленими, природно виявляються в ідеях та образах, як і все те, що стає змістом свідомості. Водночас самі по собі вони не є її змістом, а проявляються як певні основоположні теми, на основі яких формується багатоманітність усвідомлених образів.

Відкоректована особистість завжди залишається відкритою для будь-якого нового досвіду; вона здатна переживати піднесення й радість від процесу співтворчості з навколишнім світом. Архетип, так само, як і символічні атрибути різних культур, релігійні й міфологічні персонажі, сприяють актуалізації психічного змісту і його усвідомленню, що пов'язано із зцілювальним ефектом архетипних образів.

Стаття має на меті: показати, що саме загальна мова архетипів, а також процес їх виявлення та пізнання лежить в основі співтворчості людини й навколишнього світу; на прикладі застосування арт-терапевтичних методів (казкотерапії й пісочної терапії) розкрити метафоричний зміст архетипних образів та їх індивідуально-неповторний символічний вияв.

Аналіз основних наукових праць. Згідно з психологічними дослідженнями, архетип являє собою загальний механізм, явище, дію якого можна спостерігати через модифікації в різні епохи, в індивідуальній картині світу людини, в життєвих історіях героїв літературних творів, у предметах живопису і скульптури, в релігійних сюжетах тощо.

Знання про архетипи передавалося із покоління в покоління через «метафорозисії» – казки, легенди, пісні, притчі тощо. Разом з тим, лише з появою теорії психоаналізу розпочалось дослідження прихованого смислу, символізму міфологічних історій (Е. Едінгер, К. Естес, Д. Кальфф, А. Сторр, З. Фрейд, К. Юнг та ін.). К. Г. Юнг вперше звернув увагу на психологічне призначення метафоричного матеріалу, ці ідеї є актуальними й понині. Сучасні вчені переконані, що міфологія й фольклор здатні забезпечувати різні контексти, які відкривають шлях до розуміння складних символічних творів, які використовуючи в процесі арт-терапії й інших терапевтичних методик, в основі яких – продукти творчості (С. Біркхойзер-Оері, Дж. Болен, К. Естес, Т. Зінкевич-Євстігнеєва, Р. Мітчелл, Т. С. Яценко та ін.).

Казкотерапія – новий напрям практичної психології – що сформувався наприкінці минулого століття [1]. Завдяки знайомству з роботами К. Юнга використовуючи ідею про відображення, що в казках, міфах, легендах психічної реальності людини, її внутрішніх переживань, протиріч, духовних пошуків. До того ж слід зазначити, що чимало вчених не лише гуманітарних, але і точних дисциплін працюють над дешифруванням знань про виникнення Всесвіту, які містяться в космогонічних міфах.

У науковому доробку Д. Кальфф пісочна терапія [2] була представлена як складова аналітичного процесу, як конкретна форма методу «активної уяви», започаткованого К. Юнгом. Вона базується на творчому використанні піску з метою створення візуальних образів, що передають людські почуття й думки (К. Бредвей, Е. Вейнріб, Е. Дундас, Р. Мітчелл та ін.). Процес втілення в природних матеріалах спонтанно виникаючих образів, що допомагає проявитися творчій енергії К. Юнг назвав *активною уявою*, розглядаючи його як інструмент взаємодії з колективним несвідомим [4].